

ЕВГЕНИЙ ПАНОВ

**Душа не выстрадает счастья,
но может выстрадать себя**

Евгений Панов

Душа не выстрадает счастья, но может выстрадать себя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22876513

ISBN 9785448374777

Аннотация

Новая медицина – вот что сегодня больше всего нужно людям, ибо старая – как академическая, так и альтернативная – с очевидностью обнаруживает свою беспомощность. И ростки новой, гуманистической медицины уже есть. Она уже сейчас приносит удивительные плоды – несмотря на ожесточенное сопротивление носителей прежних подходов. В современных методах используются эзотерические знания и приемы, близкие к магическим, потому что – на самом деле! – нет ничего обыденнее магии.

Содержание

Душа не выстрадает счастья, но может выстрадать себя	5
Начало и конец, конец и начало	5
Неоконченная повесть	8
«О, если б знал, что так бывает, когда пускался на дебют...»	13
В потоке	18
Падение в экономическую яму	22
Предварительные итоги (материя)	27
Предварительные итоги (дух)	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Душа не выстрадает
счастья, но может
выстрадать себя
Евгений Панов**

© Евгений Панов, 2017

ISBN 978-5-4483-7477-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Душа не выстрадает счастья, но может выстрадать себя

Начало и конец, конец и начало

Было это зимой 1986 года. Одним ничем не примечательным вечером Павел Андреевич Сенин пришел с тренировки, сел ужинать и включил телевизор. Шла адресованная рационализаторам и изобретателям передача под названием «Помогите, нужна идея». Помочь требовалось северянам: придумать устройство по очистке цистерн от мазута, без которого мучались железнодорожники, вынужденные разгружать и мыть цистерны на сорокаградусном морозе.

Сенин слушал ведущего вполуха, но вдруг неожиданно для себя оторвался от тарелки и сказал:

– Надо насосы поставить прямо в цистернах, и никаких проблем с разгрузкой, и чистить не надо. Ничего сложного!

Сказал и сам удивился. И жена Тамара посмотрела на него с удивлением:

– А ведь ты, Паш, наверно, правильно говоришь.

Для удивления повод был – и у самого Павла, и у Тамары. Сенин работал инструктором по спорту, тренировал мальчишек, никогда ничего не изобретал, никаких рацпредложе-

ний не подавал, технического образования не имел и вообще от этой сферы был куда как далек.

Ну, поудивлялись немного – и забыли. Но как оказалось, ненадолго. Через неделю, в такой же зимний вечер, снова включили за ужином телевизор на кухне и снова попали на ту же передачу. На сей раз изобретателей просили дать, наконец, надежную и эффективную машину для очистки дорог и тротуаров от снега и наледи. Уж сколько лет пытаются сделать такую машину в России, предложены десятки, если не сотни конструкций, и ни одной удачной.

– Что ж, надо подумать, – сказал Сенин.

Кому сказал? Жене? Или – себе? Или просто так сказал, в пространство? Сказал и сказал. Без всяких обязательств. Никаких идей в тот миг у него в голове не было.

Обычно после тренировки Павел засыпал сразу и спал как убитый. А тут сон не шел. Какой должна быть эта чертова машина, чтобы и лед срубала, и работать было удобно, и весила бы не тонну? Впервые в жизни Сенин испытывал муки творчества, напрягал извилины до пота на лбу, но удачной идеи по-прежнему не было. И вот тогда, когда заскрежетал зубами от бессилия, вспыхнул у него перед глазами экран, на котором возникли чертежи машины в целом, а также отдельных деталей, узлов, их сопряжения, крепежа, такие ясные, словно на экране телевизора, да еще со всякими подробностями. А в ушах у Павла зазвучал Голос. Точнее, он зазвучал где-то прямо в голове, говоря «надо сделать так-

то, так-то и так-то, в такой-то последовательности». Появляется перед глазами чертеж, в голове слышится Голос... Потом Голос умолк, «экран» погас, и Сенин, совершенно ошеломленный, остался лежать в темноте, понимая, что только что получил невесть откуда конструкцию снегоуборочной машины – изящной, компактной, удобной и что запомнил все услышанное и увиденное до последнего винтика, да так крепко запомнил, что уже никогда не забудет. И заснул, обесиленный и почти счастливый.

Проснувшись утром, Павел отчетливо вспомнил все, что показали ему ночью. Подумал: ничего себе сон! И рисуют, и рассказывают. И Голос такой приятный – мужской, грубоватый. Спокойный, уверенный, надежный. Ну что ж, спасибо за идею. Идея, видно, неплоха. Жалко, если пропадет. А что делать, чтоб не пропала? Написать на телевидение? Наверно...

Сенин засел за письмо. Сочинял его в муках дня три, хотел изложить пояснее, какой должна быть машина для уборки снега и льда с тротуаров. А заодно приписал и про мазутные цистерны, на которые надо ставить насосы.

Отправляя письмо в Москву, он и не подозревал, что его прежняя жизнь кончилась и начинается новая.

Неоконченная повесть

– Я и сейчас помню те чертежи до последнего винтика, – говорит мне Сенин.

Мы сидим в директорском кабинете организованного им медицинского центра. Вернее, кабинетике. Центр арендует несколько маленьких комнаток. Здесь принимают пациентов амбулаторно, проводят необходимые процедуры и отпускают домой, не оставляя на лечение – сие не положено. На дворе – осень 2006 года. С той ночи, когда в мозгу Павла Андреевича впервые зазвучал таинственный Голос, прошло больше 20 лет...

Нас свел знакомый. О сенинском Центре он говорил восторженно: «Фантастика! Чудеса! Они излечивают рак в 4-й стадии! По уникальной методике! Вам обязательно надо там побывать!» А вскоре позвонил сам Сенин, пригласил приехать: «Вы, мне говорили, сможете о нас написать...»

И вот сидим в его кабинетике, присматриваемся друг к другу. Сенину – между сорока и пятьюдесятью. Красив. Крепок, подтянут, силен – рукопожатие просто стальное. Грустные глаза, странный взгляд – вовнутрь себя. Говорит тихо, тяжело заикается, к тому же тщательно подбирает слова, боясь, видимо, быть не понятым или вообще показаться сумасшедшим.

– Чтобы о ваших делах смог рассказать я, прежде о них

должны рассказать вы, – говорю я Сенину. – Поэтому – рассказывайте. Все, что было и есть. От начала и до сегодняшнего дня.

– Хорошо, – через силу соглашается он.

Его рассказ продвигается мучительно медленно. Но все-таки как-то продвигается и даже постепенно оживляется – видя, что психом я его не считаю, Павел Андреевич раскрепощается, говорит бойчее, заикается меньше...

Нет, он, упаси Бог, не сумасшедший. Он – контактер. Или, как говорит известный российский уфолог Владимир Ажажа, – «контактант», это слово кажется ему более точным и благозвучным. То есть человек, принимающий информацию из неизвестного источника, получающий послания от Неведомых Сил, которые называют себя, например, Космическими Сущностями, Вознесенными Учителями человечества, представителями иных миров, внеземных цивилизаций, посланцами Высшего Разума... да мало ли чем и кем, хоть ангелами небесными. Из принятых и записанных контактантами посланий возникла целая «литература ченнелинга» (от английского «ченнел» – канал, то есть канал передачи и приема сообщений). Известно, например, целое собрание текстов от Владыки Фиолетового луча Сен-Жермена. Весьма плодovit «сотрудник магнитной службы» Крайон. К контактерской литературе, строго говоря, относятся и «Тайная доктрина» Елены Петровны Блаватской, и «Агни-Йога» Елены Ивановны Рерих, причем имена их истин-

ных авторов – не тайна. Так, Блаватской диктовал посвященный Джоал Кхул, а ее «сменщице» на связи с Иерархией, Элис Бейли, – посвященный Кут Хуми. И тот, и другой хорошо известны в эзотерических мирах.

Иной раз, однако, информаторы остаются безымянными. Источник, с которым на протяжении уже 20 лет общался Сенин, своего имени и происхождения не раскрыл. Для себя и про себя Павел Андреевич звал его сначала «Голосом», потом – «Видением», затем – «Тамарой». Стояла за ними одна Сущность или разные Сущности, а если разные, то сколько их было, он так и не разобрался.

Первый контакт, как уже сказано, состоялся зимой 1986 года. До этого ничего особенного в жизни Сенина не было. Родился в селе в Курской области, там же провел младенчество и детство. На шесть с половиной лет семья перебиралась на юг, в шахтерский край. За эти шесть лет Павел успел стать настоящим спортсменом. Потом вернулись на родину – отец так и не прижился на шахте. Отслужив в армии и женившись, Павел покинул село, переехал в городок на окраине Московской области, работал бульдозеристом, шофером, монтажником, спортивным инструктором, тренером. Потом начались новые дела.

Они наметились той самой зимой 1986 года и постепенно завладели всей жизнью Сенина. Он к ним не стремился, даже не помышлял о них и, честно говоря, помыслить не мог, но вот плотно заниматься ими пришлось именно ему.

С этой поры он – совершенно неожиданно для самого себя – стал изобретать разные машины, приспособления, устройства, а с 1991 года еще и создавать лекарственные препараты. «У меня целая коллекция патентов и авторских свидетельств на мое имя, – немного смущаясь, признался Сенин, – однако все мои изобретения в действительности не совсем мои или даже совсем не мои». Их идеи, сопровождавшиеся подробной проработкой – чертежами, расчетами, рецептурой, описанием технологических процедур – приходили в контакте.

Для контакта информаторами были выбраны сны, «которые в то же время и не сны или не совсем сны». Просыпаясь утром, Сенин переносил ночные подсказки на бумагу, потому что накрепко запоминал схемы машин и рецепты лекарств, регистрировал изобретения под своим именем и пытался донести до всех, передать данное Неведомым Источником через него людям, то есть, – внедрить.

Рассказ Сенина – про муки внедрения. Но, разумеется, не только. Впрочем, вы все узнаете, прочитав эту небольшую повесть. Она почти документальна, почти биографична, ее фактическая основа – реальные события, происходившие в жизни Павла Андреевича Сенина. Излагая его историю, я следил, чтобы к фактам не примешались мои невольные выдумки и старался вмешиваться в нее только при необходимости. Иной раз без этого было не обойтись: рассказы Сенина отчасти противоречивы, хронология событий соблюдается не всегда. Его оценки контакта за 20 лет, как ни

удивительно, не устоялись... А вот комментарии к фактической основе принадлежат мне, равно как и ссылки, справки, параллели, короче, весь дополнительный материал. Не знаю, понравился бы он Сенину. Как и вся повесть – Павел Андреевич успел прочитать только пересказ своей истории. Потом он исчез. Говорили, уехал за границу, не то в Турцию, не то в Болгарию, не то еще куда-то. Так что совместную работу мы до конца не довели, повесть, увы осталась незавершенной. Будем надеяться, что рано или поздно ее допишет жизнь.

«О, если б знал, что так бывает, когда пускался на дебют...»

Побуждение внедрить изобретения, охватившее Сенина, было вполне естественно и понятно. Ночные подарки Неведомых Благодетелей были хороши, это Сенин, как всякий сельский парень, сызмальства имеющий дело с техникой, как бывший солдат автороты, как тракторист и шофер оценить мог. Жалко, если пропадут. Что же делать, чтобы не пропали? Пустить в общий обиход, что и означает – внедрить.

А как? Сенин не знал. Не знал, что такое внедрять изобретения в Советском Союзе. А если бы знал?

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью – убивают,
Нахлынут горлом и убьют! —

написал Борис Пастернак. Написал про участь поэта, но участь изобретателя не легче. Сенин это понял быстро. Когда не по собственной воле ему пришлось вкушать черствого изобретательского хлеба.

...Весной 1986 года от авторов передачи «Помогите, нужна идея» пришел обнадеживающий и одновременно обеску-

раживающий ответ: ваши предложения содержат элементы новизны, приглашаем вас участвовать в телевизионном конкурсе, для чего вам нужно сделать то-то и то-то, а первым делом оформить заявку на изобретение.

Легко сказать – оформить! Сенин не имел ни малейшего понятия, как это делается. С кем бы посоветоваться?

Стал искать, с кем. И выяснил, что в их городишке изобретениями не занимаются, за советом надо ехать в Москву, а вот специалист по рационализаторской работе есть, он ведет прием в здании городской администрации. Пошел к нему: скажите, что делать, с чего начать?

Тот посмотрел наброски – копии посланных на телевидение – и сказал:

– Ого! Молодец! Вези все это добро в Москву, там дадут ход.

Нет, сказал Сенин, не поеду. Далеко. Дорого – у нас каждый рубль на счету. Потрачусь на дорогу, а чем возмещу трату? Тут ведь никаким доходом и не пахнет, верно? Да, до изобретательских вознаграждений тебе пока далеко, подтвердил специалист. Значит, одни расходы, подвел итог Сенин. Ради них, что ли, семь верст киселя хлебать?..

А спустя неделю снова побеспокоил его тот же Голос в ночи. Предлагает новую идею – устройство для мойки стекол теплиц. Практично и удобно. Ставятся две стойки по краям теплицы на расстоянии метров в сто друг от друга. Или двести. Или, если хочешь, пятьсот. Между ними прокладывает-

ся что-то вроде рельсов, по которым ездит что-то наподобие башенного крана и моет стекла с помощью специальных насадок. Снимать стекла не надо... И ведь так можно не только стекла мыть, но и стены, потолки. И снаружи, и изнутри. Любой угол наклона устанавливается без труда... Хорошая, одним словом, штукавина. «Но мне-то зачем она нужна? – недоумевал Сенин. Недоумевал и начинал потихоньку злиться. – Неизвестно, что с тем-то добром делать, а тут еще новое. Почему вдруг такие странные сны стали сниться? Что этот Голос ко мне привязался? Я его не звал, ничего у него не просил. От его подарков одно беспокойство. И обратиться в пользу себе и другим их не могу, и выбрасывать жаль».

Снова пошел в городской «Белый дом» к специалисту по рационализаторской работе. Что все-таки делать?

– Все-таки езжай ты в Москву, – повторил тот, – В Областной совет ВОИР – Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов. Здесь ничего не высидишь. Вот тебе адрес.

Ехать Сенину не хотелось, поездка «кусалась», но поехал. Дождался приема у эксперта, показал эскизы. У того разговор короткий: это не пойдет, и это, это тоже не годится. Как же так? – растерялся Сенин. С телевидения ответили, что «содержатся элементы новизны», специалист в их городке одобрил, а тут – категорически «не пойдет». Но делать нечего, спорить не мог, не умел, доводов веских не было, так что возвратился домой несолоно хлебавши. Усталый, если

не сказать – подавленный. Виду не показал, но переживал неудачу тяжело и долго, месяца два ходил сам не свой.

Все это время Голос Павла Андреевича не беспокоил, видно, давал отдышаться. А едва пришел в себя Сенин, снова объявился, снова развернулся перед глазами экран с чертежами, на сей раз – картофелеуборочного комбайна. А после, закончив объяснения, Голос впервые обратился прямо к Сенину и стал настойчиво убеждать его ехать с идеей комбайна в Москву, в тот же Областной совет ВОИР. А Сенин – впервые – начал Ему отвечать. Вернее, с Ним спорить. Был я, мол, в вашем Совете, толку никакого, так какой смысл опять тащиться за тридевять земель, выкладывать деньги за билет? «Ты должен! – настаивал Голос. – Иди к другому консультанту, и у тебя все получится!»

Ну, чем черт не шутит... Голос, наверно, зря обещать не станет, да и комбайн уж больно хорош – это крестьянский сын Павел понял сразу. Старательно нарисовал эскизы, поехал. В Облсовете дождался приема у другого консультанта.

– Молодец! – сказал тот, посмотрев сенинские бумаги. – Поможем тебе оформить заявку.

Обрадованный Павел – была, не была! – показал консультанту эскизы устройств, забракованных в прошлый раз.

– Ты что, парень? – удивился консультант. – Ты уже опоздал. Наш сотрудник уже запатентовал насос для цистерн, – и достал журнал, где описано это самое изобретение за авторством... ну конечно, того самого эксперта, что в про-

шлый раз заявил «не пойдет!» и фактически выставил Сенина за дверь.

Тут в кабинет, как нарочно, вошел тот самый эксперт. Увидел Павла и поспешил исчезнуть.

– Вот он у меня насос и украл! – не смог сдержаться Сенин.

– Как?! – поразился консультант.

– Я у него был с этой идеей с полгода назад. Он меня отшил, а изобретение, выходит, присвоил.

– Не врешь? Пойдем-ка к председателю.

Председатель Областного совета эксперту сначала не поверил, потом попросил принести журнал регистрации. Там значилось, что Сенин действительно был в Областном совете и действительно был принят тем самым консультантом.

– Поезд ушел, – сказал председатель, – это изобретение уже не вернуть, оно принадлежит другому человеку. Мы с ним разберемся, а тебя прикрепим к постоянному консультанту.

С экспертом-вором действительно «разобрались» – выгнали, а тот консультант, которому поручили работать с Сениным, оказался хорошим специалистом. Он многому научил Павла, когда тот стал носить заявку за заявкой. Идей хватало, потому что ночной Голос общался с ним часто. В свой срок Сенин получил первое авторское свидетельство. В свой срок – первый патент.

В потоке

В свой срок был оформлен второй патент, затем третий, четвертый... Почти все идеи Голоса удалось Сенину довести до патента. Но именно «почти». Моечную машину для стекол так и не довел. Длительная переписка ни к чему не привела, и Сенин махнул рукой, не стал больше тратить время и деньги. Уже тогда догадался: чем технология уникальней, тем труднее получить патент. А если технология вторична, неинтересна, патент получить легко. Задумка моечной машины была первична, плодотворна, могла реализоваться в целом спектре устройств, принцип действия хорошо ложился в основу механизмов самого разного предназначения... Поэтому ей трудно было воплотиться в металле. Идея станка по резке металла тоже могла породить целый спектр агрегатов – устройства получались в чем-то похожим на известную пилу «Дружба» – хочешь, делай их переносными, хочешь, стационарными... Эта идея тоже была обречена от рождения, что уже набравшийся элементарного изобретательского опыта Сенин понял быстро и переживать не стал – пусть переживает Голос, то есть, истинный автор, если, конечно, Он способен переживать...

Но Голос, похоже, тоже не печалился. Идеи текли к Сенину полноводным потоком. Канал контакта работал исправно. – Стоп, стоп! – осаживал его эксперт из Областного совета

ВОИР. – Остановись. Нормально подавать одну-две заявки в год. А ты нас идеями просто завалил.

– А разве нельзя подавать больше, чем две? – спрашивал Павел Андреевич. – И вам хорошо, больше «галочек» поставите.

Со временем он научился сам оформлять заявки, сам вести патентный поиск в библиотеке, оценивать достоинства и недостатки прототипов, рассчитывать экономический эффект. Приобрел опыт общения с экспертами-консультантами, чиновниками от изобретательства. Знал заранее, где начнут тормозить, – это, дескать, было, знал, как отключить чиновничьи «тормоза», доказать, что – «не было».

А главное, Сенин постепенно привык к ночным сеансам «передачи идей» и даже стал воспринимать их как должное. После первых явлений Голоса, вспоминая утром невероятное ночное событие, он думал, что тронулся умом или, в лучшем случае, впал в бред. Что за потусторонние голоса нашептывают о каких-то небывалых машинах? Что за фильмы мелькают перед глазами? И почему они настолько реальны, конкретны, полны подробностей, почему остаются в памяти, а не рассеиваются как наваждение, как дым, как утренний туман, не забываются при пробуждении, как большинство обычных снов?..

Сам ответить на все эти «что?» и «почему?» Павел не мог, спросить было не у кого, да и вообще, у кого спросишь про такое? Так что шок от первого контакта поневоле, под давле-

нием обстоятельств жизни потихоньку прошел, будни сгладили остроту переживаний. Сенин старался не задавать себе бесполезных вопросов, заставлял привыкнуть к посещениям удивительных Сущностей или, может быть, Сил. А для внедрения полезнее всего было бы войти в роль изобретателя-самородка, автора самобытных идей – таланту из гущи народа пробиться все-таки проще. И он старался...

Однако и самородкам положено знать азбуку технического творчества. Она такова: чтобы что-то внедрить, надо сначала убедиться в его эффективности, чтобы убедиться в этом, его надо испытать, чтобы испытать, надо сначала построить. То есть, создать опытный образец, довести его до ума, оформить всю необходимую документацию и прочее, прочее, прочее, в общем, пройти через долгую и трудоемкую процедуру, в которой нельзя исключить ни один из этапов. Кто будет все это делать? Автор, ведь это ему больше всех надо. А если автор – частное лицо, не имеющее отношения к производству? Что прикажете делать ему?

Сенин рискнул обратиться к директору приборостроительного завода, где работал спортивным инструктором. Показал патенты, рассказал об изобретениях, расписал, как мог, возможную экономическую выгоду. «На моих машинах и устройствах вполне мог бы держаться самостоятельный малый, а то и средний бизнес, предпринимательские структуры при заводе, – убеждал он директора. – Помогая мне, завод ничего не теряет, а выиграть может немало». Директор до-

водам внял и приказал для начала организовать нечто вроде временного творческого коллектива из спортинструктора Сенина и двух инженеров-конструкторов. Они должны были переводить разработки на профессиональный конструкторско-технологический язык.

Падение в экономическую яму

Силами ВТК была доведена до ума идея машины для чистки тротуаров от снега и льда. На заводе сумели сделать опытный образец (хотя это дело для спецов по железу, а не для приборостроителей). Он оказался удачным. Работал без сбоев, доказывая всем свою надежность и эффективность. После отладки изготовили шесть устройств. Создали комиссию. Словно понимая важность момента, машины старались «от души». Только снежная пыль летела! На комиссию это произвело большое впечатление. Она признала агрегат работоспособным, рекомендовав лишь немного дополнить конструкцию.

Модифицированный образец сделали для коммунальных служб – по их заказу. Этой машиной мог управлять один работник, даже мог при желании усесться на нее верхом. Машина могла косить, подметать, убирать снег, скалывать лед – только меняй насадки, заменяющие метлу, скребок, косилку, пылесос или лом. Хочешь – ставь машину на колесики, чтобы дворник возил ее так, как возят моечную машину по платформе метро. Для уборки плотного снега и наледи предназначалась большая машина; ту, что служила пылесосом и венником, сделали маленькой...

Сенин предвкушал коммерческий успех, однако ни одного заказа больше не поступило. Почему, Павел понял потом,

а тогда это показалось ему каким-то недоразумением, ошибкой, которую придется исправлять... но это потом, сейчас надо заняться очередным подарком Голоса – машиной для укладки стен из кирпича, прекрасно заменяющей каменщика. Директор, понимавший больше, не видел смысла в продолжении эксперимента. Сенин с трудом уговорил его не закрывать ВТК и полагал, что не зря: машина получилась быстродействующей и очень выгодной экономически, могла, повинувшись командам оператора, сама заливать раствор и класть кирпичи, причем, в хорошем темпе. Однако строителей она не заинтересовала и не привлекла на завод ни одного заказа.

После этого провала эксперимент прекратили, а Сенина, неожиданно для него, пригласили работать в кооперативную фирму, действующую как филиал крупного машиностроительного завода и занимавшуюся доводкой и внедрением изобретений, изучением возможного спроса на оригинальные устройства, машины вроде сенинского многопрофильного агрегата для коммунальщиков, рекламированием новой техники, сбором заявок и размещением заказов в заводских цехах. Ездили по совхозам и колхозам, молочным и колбасным заводикам, спрашивали, в чем у них нужда и чем мощный завод, с его квалифицированными кадрами и современным оборудованием, может им помочь. Нужна, например, вам моченная машина для доильных агрегатов? Таких машин – идею, понятно, дал Голос – кооперативу заказали две и завод их, разумеется, сделал.

Обращались в строительные и коммунальные организации, к ремонтникам, дорожникам, транспортникам, в автопарки. Что вам надо? Что вы хотели бы получить нового, чего у вас никогда не было, но облегчило бы жизнь? Какое-нибудь устройство, приспособление? Постараемся это сделать... Тогда Сенину казалось, что с помощью Голоса, а именно Он был самым ценным членом кооператива, можно действительно сделать все, что угодно. Приспособить, скажем, уже имеющуюся идею. А если этого недостаточно, создать под заявку конструкцию на уровне изобретения. И ведь действительно, в конце 80-х успели отладить нормальную экономическую схему, начать нормальную работу – нужную, интересную, творческую. Время, в целом, было неплохое – время надежд и дерзаний.

Кооператив погубили экономические реформы Ельцина – Гайдара. В 1991 году цены быстро поползли вверх и дело встало. Чтобы его спасти, кооператоры бросились в села, ища заказы на биоустановку, производящую горючий газ из навоза – компактную, экономичную, очень удобную для индивидуального отопления на селе (одна из идей, подсказанных Голосом). Сенин полагал, что биоустановка может вытащить кооператив из экономической ямы. Скептиков он решил убедить, лично испытав установку. На собственной кухне.

Горючий газ при определенных условиях получался в специальных емкостях, куда помещали навоз. Вот такой бак Се-

нин и приволок домой, водрузил на кухне, загрузил исходным материалом и оставил на ночь – за это время процесс должен был набрать силу, достаточную, чтобы судить о производительности и эффективности установки.

Рано утром его разбудила жена:

– Слушай, у нас коровником воняет!

Бросился на кухню. Кошмар! Обогащенный горючим газом, взошедший, как на дрожжах, «воздушный» навоз разорвал емкость, выпер наружу и залил весь пол в кухне. Эх, емкость нужно было сварить, а мне спаяли! – сообразил Сенин. Сокрушаясь, он вычистил кухню. И заказал новую емкость, сварную. Привез, заполнил всякой гнилью, втащил на балкон – если разорвет, то не в квартире, на улице. Но обошлось. Емкость выдержала, газ устойчивым потоком выходил через редуктор наружу. Поднеси спичку – получишь факел. Грей воду, направляй в батареи, отапливай дом.

Факел – наподобие нефтяного – горел на балконе целых четыре дня. Установка показала эффективность и экономичность. Начинай серийный выпуск... если найдешь заказчиков. Нашли всего двух. Больше желающих среди домовладельцев не обнаружилось. А вот директора некоторых хозяйств с удовольствием сделали бы заказ – ведь дело очевидно выгодное, животноводческие фермы можно было бы перевести на «энергетическое самообслуживание», отапливать собственным навозом, но совхозная экономика не позволяла потратить ни копейки на что-то постороннее.

Так и распался творческий кооператив. И не только этот. Все фирмы и фирмочки, занимавшиеся внедрением новых технологий, новой техники и изобретений, распались... Причины очевидны: невероятная цена на материалы, ужасные, почти стопроцентные налоги. Воплощать идеи в «железе» стало практически невозможно. Сенин понял – с «железом» надо заканчивать.

Предварительные итоги (материя)

Пять лет трясла Сенина изобретательская лихорадка. Словно тяжелая болезнь, она завладела им целиком, не отпуская ни днем, ни ночью, ни в будни, ни в праздники. Ночные озарения, дневное оформление заявок, сидение в библиотеках, переговоры с экспертами и чиновниками, поиск партнеров и денег, заключение договоров, испытания опытных образцов, доводка, опять испытания... И вот – стоп, машина. На полном ходу дело налетело на непреодолимую преграду. По-видимому, изобретательский этап жизни завершен. Он начинался не по своей воле и не по своей завершился, но, тем не менее, завершился. Надо бы подвести итоги.

Сенин пристально оглядел свою ударную пятилетку, и у него задрожали руки: при беспристрастной оценке результат оказался плачевным. Потрачена уйма сил, времени и семейных денег, а не заработано практически ничего. Квартиры как не было, так и нет, нет и надежд, что она появится, по-прежнему приходится снимать жалкую «двушку» в заштатном городишке за совсем не жалкие деньги. Отношения с женой напряглись, ее здоровье ухудшается, сын лишен отцовского внимания. А главное-то, главное, совсем похолодел Сенин, практически ничего из данного Свыше, оформленного, запатентованного, построенного, испытанного, даже заказанного – не внедрено.

С горечью вспомнил он про загубленный картофелеуборочный комбайн. В этой машине заключались целых четыре новинки: подкапывающее устройство – раз, ботвоудаляющее – два, сортировочное – три, а четвертой новинкой был сам комбайн в целом. Макет подкапывающего устройства клубнеуборочной машины в половину натуральной величины сделали, как ни странно, на приборостроительном заводе – там нашлись умельцы. Испытали. Работает! И хорошо работает. Но приборостроительный завод – не то место, где нужно строить и испытывать сельскохозяйственную технику, категорически заявил в целом благожелательно настроенный директор. Что ж, Сенин через Областной совет ВОИР пробился на профильный завод сельхозмашин. В комиссии было 10 человек. Описательная часть, эскизы и чертежи ее устроили, а сам Павел Андреевич даже удостоился нескольких комплиментов от тех, кто видел явное преимущество его машины над прототипами.

Дошло до обсуждения итогового протокола.

– Ваше мнение, товарищи? – спрашивает председатель комиссии.

– Мнение хорошее, – говорит первый специалист. – Я – за.

– Ваше?

– Отличная штука, – говорит другой. – За.

Третий член комиссии тоже «за». Пятый – тоже. Седьмой – тоже. И все прочие – тоже «за». А вот десятый – против. Аргумент: подкапывающее устройство не справится

с типичным российским грунтом. И этот десятый – сам председатель комиссии, он же – главный инженер завода, на котором проходят испытания и на котором, в случае положительного решения комиссии, должны выпускать сенинский комбайн.

– Почему не справится? – возражает Сенин. – Пожалуйста, обоснуйте.

– Я уже обосновал.

– А я уверен, что и подкапывающее устройство справится, и весь комбайн будет работать, – настаивает Павел.

– А я уверен – не будет. Предлагаю закрыть обсуждение.

Члены комиссии встают и выходят. Они явно в недоумении. А Сенин не просто в недоумении, он очень расстроен. Собирает бумаги и тоже выходит. Наваливается беспросветная тоска и усталость, как после проигранного боя на ринге.

– Не переживайте так, – слышит он женский голос, доносящийся словно сквозь слой ваты. Это та женщина, что назвала комбайн «отличной штукой». Она говорит негромко, потому что слова не предназначены для посторонних ушей. – У вас хорошая машина. Но наш главный инженер будет ее топить из всех сил, потому что сейчас завод выпускает комбайн его конструкции. Вот телефон, обязательно позвоните человеку из Академии сельскохозяйственных наук, он вас поймет. Позвоните, я настаиваю. Успеха!

Позвонить Сенин мог только с работы. Телефонов тогда было мало, денег у Павла Андреевича – тоже. Или с по-

что, а туда надо было ехать. Но все-таки он позвонил. Человек из Академии сельскохозяйственных наук велел отладить конструкцию до блеска, чтобы ответить главному инженеру по существу и привезти ее к нему в Москву.

Отладил. Созвонился. Поехал. На автобусах. С громоздким макетом ехать было очень неудобно. С трудом добрался до места.

– И вот это он забраковал?! – возмутились специалисты Академии, имея в виду корыстного главного инженера. – Без испытаний?! Нет, эту штуку надо испытать и внедрять!

Но оказалось, что испытать комбайн можно было только в каком-то очень далеком совхозе, а добираться до него было крайне неудобно и к тому же недешево. И Сенин не поехал. Потом пожалел, но тогда просто не было возможности. Начальство косо смотрело на его отлучки, а он за место держался – жили бедно, денег вечно не хватало.

Неудачу с картофелеуборочным комбайном он пережил тяжело, пожалуй, тяжелее других неудач, потому что не проиграл в честной конкурентной борьбе, а был выставлен за дверь, оскорблен и унижен. Его небесные подсказчики и покровители защитить его не смогли, и, по сути, не его, а начатое ими же самими дело. Наверно, не в их власти отменить действующие на Земле свои, отличные от небесных, законы, предположил Сенин. Неужели же исправить их не могут даже Высшие Силы? Неужели же корыстные людские интересы на Земле важнее всех прочих интересов и потребно-

стей, например, потребностей общего блага? Если так, то ситуация просто безнадежна, потому что подавляющее большинство людей руководствуется в первую очередь собственными, личными интересами.

А если так, с предельной ясностью понял Сенин, то все предложенные через меня замечательные вещи, которые, по замыслу Высших Сил, должны украсить и облегчить земную жизнь, совсем не нужны. И, что особенно грустно, не нужны очень многим — ведь они ущемляют интересы тех, кто не хочет ее облегчить и украсить. А самое печальное в том, что они не нужны тем, кто, казалось бы, обязан украшать и облегчать нашу общую жизнь просто по долгу службы, кто принимает решения, должны увеличивать общее благо. Строительным начальникам ни к чему механический каменщик, им выгоднее эксплуатировать каких-нибудь гастарбайтеров, платя тем копейки; начальникам коммунальным ни к чему multifunctional уборочный агрегат, они за мизерную плату наймут дворниками бесправных приезжих. Именно личный корыстный интерес свято блюдет большинство чиновников, от которых зависит политика в области новых знаний и новых технологий. И если личный интерес противится их продвижению, то горе новшества. А заодно и тем, кто хочет обогатить ими нашу не слишком красивую, щедрую и счастливую жизнь.

Высшие Силы, передававшие мне замыслы изобретений, действовали, понятно, совершенно бескорыстно, осмысли-

вал события пятилетия Сенин. Они творили Добро, как оно видится там, «наверху». Вроде бы, мы должны с благодарностью принять их дары и поскорее использовать их себе на радость. Но на деле все получается не так. Люди не спешат делать Добро, наоборот, в нас-то и гнездится Зло.

Предварительные итоги (дух)

После фиаско сенинских внедренческих дел Голос не выходил на контакт больше двух месяцев – видимо, ждал, когда Павел разложит все по полочкам, подведет черту под предыдущим этапом жизни и созреет для вступления в следующий. Не сомневаясь, что рано или поздно Посланец объявится, Сенин ждал его появления с унынием. Ну, получит он идею еще одной машины, ну, услышит обычное «ты должен», но сделать ничего не сможет, это просто не в его силах... Очередной дар обернется очередным разочарованием. А он устал от разочарований. Устал играть ту странную роль, которую ему навязали... Почему на нее был назначен человек неподготовленный, почему ответственное дело поручили сельскому мужику без достаточного образования и кругозора? Почему не избрали для посредничества кого-нибудь другого – образованного, разностороннего, пробивного? Загадка! Она не давала Сенину покоя, он бился над ней каждый день, но разгадать не мог.

Вернуться бы в спорт! – думал он с тоской. Тренировать мальчишек, зарабатывать тем, что умею. В том мире все просто – тренировки, выступления, там решает мастерство, характер и сила... Явится Голос – попрошусь назад, в свою жизнь, ведь эта, которой живу сейчас, не моя, чужая... Или уже не совсем чужая? – вдруг щелкнуло в голове у Сенина.

А та, моя, уже не совсем моя?..

Чего было в избытке в той, прежней жизни – так это физической силы. С двенадцати лет Павел ходил ворочать по совхозным нарядам вместо матери. Родители над детьми не тряслись, не отгораживали от нелегкого деревенского быта, приучали к работе. Есть у матери наряд в совхоз – поезжай ты, Пашка. И он ездил. Веники резать, сено на вилах носить. Дело, вроде, простое, а уметь надо. Над ним взрослые посмеивались. Вернее, не над ним, а так, зубоскалили:

– Ну, Сенины, потеряли совесть, детский труд эксплуатируют!

Но мать не могла разорваться. На ней держались дом и семья. Отец – плотник, каменщик, маляр, на все руки мастер, то и дело запивал, вернее, пил безбожно. (И все мужики вокруг пили. И пьют по сегодняшний день.) Когда не пил, голова соображала дай Бог, душа открывалась настежь, мог дом построить и резьбой украсить, мог последнюю рубашку снять и отдать тому, кому нужнее. А когда пил, грезились зеленые черти... Как-то сенинский котенок забрался на чердак, а спуститься боялся. Пашка полез за ним. Отцу почудилось, что на чердаке – бес, орущий по-кошачьи, он мигом вскарабкался по лестнице, схватил сына и сбросил вниз. Павел упал, как кошка, на четыре точки, удачно приземлился на руки и на ноги, ничего не сломал, не отбил, но испуг пережил страшный и с той поры стал заикаться.

Поначалу он заикался так сильно, что слова не мог вы-

молвить. Из-за этого учеба в пятом классе пошла на спад, хотя до этого Пашка учился хорошо, все знал, всегда тянул руку, а вот физическая сила стала быстро прирастать. Учась в шестом классе, он осиливал ребят из десятого. Мало того, перебарывал отца, а тот был очень сильным. В школе Павел один боролся с двумя-тремя старшеклассниками. За водой на колодец ходил не с двумя, а с четырьмя ведрами. На вилах поднимал столько сена, что ручка деревянная ломалась...

И поведение его изменилось: начал драться. Его тянуло к тем, кто был на два-три года старше, с ними казалось интереснее, а они гнали. Дадут пинка под зад – «ну, пошел отсюда!» А Пашка ногу захватит, бросок, и обидчик лежит... Так вот и отучил пинаться.

Когда Павел учился в седьмом классе, семья в поисках лучшей доли переехала на юг, в шахтерские края. В городе, где осели, работали спортивные секции. Сенин пошел в самбо. Побарывал всех, считался самым перспективным. У него многое получалось – захваты, броски, болевые приемы. Но спортзал, где занимались, закрыли на ремонт. Самбо отпало, и по совету знакомого Павел пошел в секцию бокса. Тогда он уже учился в восьмом классе. Кулаками бить не умел, только царапался. На бокс пришло 15 человек новичков, тренер поставил их в пары, чтобы посмотреть на каждого и отсеять совсем уж неспособных. Сенина оставили.

Секция была сильная, были в ней и мастера спорта, и кан-

дидаты в мастера, не говоря уж о разрядниках. На первых порах Павлу доставалось, ходил с разбитыми губами, с расквашенным носом, но все-таки втянулся, вжился в бокс. Мастером спорта стал в 18 лет, то есть, очень рано.

Его жизнь состояла из тренировок, соревнований и драк. Учеба занимала немного места, и в конце концов Сенин запустил ее настолько, что оставаться в школе после восьмого класса не было никакого смысла. Ну, ушел, а куда деваться? Работать еще рано – пацаненок. Поступил учиться на тракториста-машиниста широкого профиля. Училище находилось в 150 километрах от города, уезжал туда на шесть дней, в воскресенье приезжал домой, ходил в секцию бокса.

Училище Павел закончил, хотя занятий посещал мало. В основном, наводил порядок среди товарищей-шалопаев. Кроме того, приходилось постоянно разбираться с местными: они все время обижали ребят из училища, а те все время обижали местных. Дрались «куча на кучу». С каждой стороны участвовало сотне по полторы бойцов, не меньше. Сенин мог в одиночку разбросать человек двадцать...

Услышав как-то о том, что «добро обязано быть с кулаками, иначе оно никогда не одолеет зла», он решил, что, наводя порядок в училище, разбираясь с местной шпаной, делает именно это – активно творит добро кулаками. И потом, став взрослым, семейным человеком, не упускал случая окоротить какого-нибудь хама или хулигана. Сенин колотил их не просто так, а принципиально, в соответствии со сво-

ей жизненной и гражданской позицией. Бывало, выбрасывал из автобуса пьяных дебоширов, будучи уверенным, что сотворил благо. Он не понимал, почему расстраивалась жена. «Что, тебе больше всех надо?» – чуть не плача говорила Тамара. Но как же так: двое-трое парней отнюдь не богатырского телосложения задирают пассажиров, хамят, матерятся, курят, а все молчат. Как же тут не вмешаться? И Сенин обязательно вмешивался. Предупреждал, а если не понимали предупреждений, бил профессионально, чтобы отключились, просил водителя остановиться, выкидывал их вон. Ехали дальше. «Молодец!» – хвалили Павла женщины, а Тамара переживала, и не зря: его действия в этом случае находились на грани уголовно наказуемых. «Добро с кулаками» часто выходило за пределы закона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.